

К. М. Ячменихин

ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ В РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

1816 г. в истории России ознаменовался началом организационного оформления движения декабристов, и этот же год вошел в историю страны как год основания Новгородских военных поселений, положивших начало новому направлению во внутренней политике правительства Александра I. Если по истории движения декабристов написано множество монографий и научных статей, то проблема военных поселений пока еще недостаточно освещена в трудах русских и советских историков.

В дореволюционной историографии данной проблемы можно выделить два периода ее изучения: первый — 70-е гг. XIX в.; второй — конец 90-х гг. — начало XX в. (до 1917 г.). Если для первого периода характерны сбор архивного материала и начало его систематизации (М. И. Богданович, А. Н. Петров, П. Г. Щербальский, Г. Александров), то исследования второго периода отличаются попытки дать оценку военным поселениям в политической системе Российского государства (П. П. Карцов, А. С. Лыкошин, Н. К. Шильдер, А. А. Кизеветтер, А. А. Корнилов).

В советской исторической науке уже предпринимались попытки краткого анализа историографии военных поселений¹. На наш взгляд, эти попытки не совсем удачны. Так, историков официально-охранительного направления М. И. Богдановича и Н. К. Шильдера Т. Д. Липовская относит к безоговорочным сторонникам идеи военных поселений². На самом же деле М. И. Богданович, который первым обратился к научному изучению проблемы, полагал, что режим поселений был обременителен для поселян, которые не имели возможности «заниматься каким-либо посторонним промыслом»³. Более того, он утверждал, что «в государственно-экономическом отношении военные поселения были вредны. Устройство их стоило весьма дорого, требовало большого ремонта и далеко не вознаграждало издержанных сумм продовольствием от земли военного поселения. В политическом отношении военные поселения, образуя особую касту, чуждую всему прочему населению империи, угрожали России такими же волнениями и опасностями, какие были последствием поселения легионеров в пограничных областях Древнего Рима»⁴.

Аналогичных взглядов на военные поселения придерживался и Н. К. Шильдер, который подчеркивал, что в отношении военных поселений «идея государя была ошибочна не только в политическом, но даже в экономическом смысле», а режим военных поселений «представлял собой по существу своему новый вид крепостного права, более ужасного, чем существовавшее»⁵.

¹ См.: Мирошников И. Я. Восстания военных поселян в Слободской Украине 1817—1829 гг. Канд. дис. Киев, 1948; Липовская Т. Д. Социально-экономическое положение военных поселян на Украине (1817—1857 гг.). Днепрпетровск, 1982, с. 4—13.

² См.: Липовская Т. Д. Указ. соч., с. 7.

³ Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время, т. VI. Спб., 1872, с. 127.

⁴ Там же, т. V. Спб., 1870, с. 367.

⁵ Шильдер Н. К. Император Александр I, его жизнь и царствование, т. IV. Спб., 1898, с. 28, 40.

В изучении истории военных поселений в дворянско-буржуазной историографии первостепенное внимание уделялось вопросу о причинах введения военных поселений и проектам их создания. Еще в 1825 г. первую попытку в данном направлении предпринял М. М. Сперанский в своей брошюре «О военных поселениях». Советский историк А. В. Предтеченский, проведя детальный анализ данной работы, убедительно раскрыл причины ее написания и показал апологетичность целей автора⁶.

Главную причину введения военных поселений дворянско-буржуазная историография видела в неблагоприятном состоянии финансов страны после Отечественной войны 1812 г., в необходимости большой регулярной армии, облегчении тяжести рекрутских наборов.

Автором идеи военных поселений справедливо считается Александр I, а А. А. Аракчеев — ее ревностным исполнителем. Н. К. Шильдер и В. П. Никольский полагают, что форма организации военных поселений могла быть заимствована из работы французского генерала Сервана «*Sur les forces frontieres des etats*», где обосновывается мысль о возможности соединения солдатской службы с ведением хозяйства. А. Н. Петров указывает на знакомство в России с ландверной системой Шарнгорста в Пруссии, введенной после Тильзитского мира⁷. Н. В. Путьята считает, что аналогом формы организации военных поселений в России были граничарские поселения на турецкой границе Австрии.

Таким образом, в дореволюционной историографии вопрос о причинах введения военных поселений был решен односторонне. На наш взгляд, главная причина введения поселений заключалась в том, чтобы приспособить комплектование и обеспечение армии к новым историческим условиям, требовавшим массовых армий для успешного проведения внешней политики, без какой-либо ее радикальной реорганизации на базе введения всеобщей воинской повинности. Кроме того, военные поселения, восполняясь за счет самих поселян, обеспечивали помещичьи хозяйства рабочими руками. А в такой категории военных поселян, как поселяне-хозяева, правительство желало видеть надежную опору в армии.

Немаловажное значение в дореволюционной историографии имел факт установления точной даты основания военных поселений. Используя архивные материалы, Н. В. Путьята, Г. Александров и другие доказали, что первый опыт введения военных поселений относится ко времени, предшествующему Отечественной войне 1812 г., когда в Могилевской губернии был поселен запасной батальон Елецкого пехотного полка⁸. При этом все авторы брали за основу Высочайший указ от 9 ноября 1810 г., в то время как фактическое поселение указанного батальона произошло только в апреле 1812 г.⁹

Дореволюционными историками рассматривался и вопрос устройства и управления военными поселениями. Комплексно он разработан только в статье полковника генерального штаба А. Н. Петрова¹⁰. На

⁶ См.: Предтеченский А. В. Брошюра М. М. Сперанского «О военных поселениях». — Тр. Ленинградского отделения Института истории АН СССР, т. 7. Л., 1967, с. 263—270.

⁷ См.: Петров А. Н. Устройство и управление военными поселениями в России. — В кн.: Граф Аракчеев и военные поселения. Спб., 1871 с. 88.

⁸ См.: Путьята Н. В. Еще несколько слов о военных поселениях. — Русский архив, 1874, № 4, с. 1043; Александров Г. Заметка о бывших военных поселениях. — Русский архив, 1873, № 9, с. 1717.

⁹ См.: Федоров В. А. Солдатское движение в годы декабристов. Канд. дис. М., 1953, с. 48.

¹⁰ См.: Петров А. Н. Указ. соч., с. 117—130.

архивных материалах первых лет существования Новгородских военных поселений автор предпринял попытку нарисовать схему округа поселения полка, структуру его управления. П. П. Карцов и А. С. Лыкошин лишь попутно касаются вопросов управления военными поселениями, сосредоточив основное внимание на деятельности полковых и ротных комитетов¹¹.

В целом дворянско-буржуазная историография лишь заложила основы изучения данного аспекта истории военных поселений. Вне поля зрения исследователей остались вопросы деятельности высших органов управления военными поселениями — Экономического комитета, штаба Отдельного корпуса военных поселений, Главного штаба е. и в. по военному поселению, Департамента военных поселений, — которые создавались в результате тех или иных реформ управления военными поселениями. Остался открытым и такой вопрос, как взаимоотношения органов управления поселениями с государственным аппаратом страны.

Досоветская историография поставила вопрос о хозяйственно-экономической деятельности военных поселений. Однако исследователи ограничились лишь перечислением тех или иных «экономических заведений», функционировавших в округах полков Новгородских военных поселений, не проводя анализа их деятельности, степени рентабельности, связи с рынком¹². Была предпринята попытка выделения отдельных категорий военных поселенцев. Например, П. П. Карцов называет два «состава поселенцев» — поземельный и строевой¹³, не анализируя хозяйственно-правового положения каждого из них. Архивные материалы позволяют утверждать, что если рядовой состав действующих батальонов по своему имущественному и правовому положению был в основном однороден, то это ни в коей мере не относится к поселенцам-хозяевам. Среди них можно выделить по крайней мере пять категорий: военные поселенцы-хозяева из коренных жителей; военные поселенцы-хозяева из старослужащих солдат; кантонисты старшего возраста (14—18 лет), обученные различным ремеслам и негодные к строевой службе; поселенцы-хозяева фушштатских рот; необмундированные поселенцы и инвалиды.

Таким образом, вопрос изучения хозяйственно-экономической деятельности поселений и категорий военных поселенцев был только поставлен дворянско-буржуазной историографией.

Дореволюционные историки не могли пройти мимо фактов выступлений крестьян и военных поселенцев против введения и режима военных поселений. Восстание поселенцев в Новгородской губернии в 1831 г. практически все авторы объясняют эпидемией холеры, а само восстание называют «холерным бунтом». А. Г. Слезкинский, обнаружив в архивах неизданные подтверждения в отношении участников восстания 1831 г., даже не пытается нарисовать картину восстания, а ограничивается лишь подсчетом количества поселенцев, в нем участвовавших¹⁴. Е. Орлов, опираясь в основном на мемуарную литературу и опубликованные источники, дает подробное описание событий, не делая, однако, выводов об их причинах и последствиях. Ограниченный, классовый характер дворянско-буржуазной историографии не позволил ей сделать правильных выводов по данному аспекту проблемы.

¹¹ См.: Карцов П. П. О военных поселениях при графе Аракчееве. — Русский вестник, 1890, № 2, с. 166—168; Лыкошин А. С. Военные поселения. — В кн.: Великая реформа, т. 2. М., 1911, с. 86—97.

¹² См.: Петров А. Н. Указ. соч., с. 127—128.

¹³ Карцов П. П. Указ. соч., с. 150.

¹⁴ См.: Слезкинский А. Г. Бунт военных поселенцев в холеру 1831 года. — Исторический вестник, 1893, т. 53.

Неверно решался и вопрос о динамике развития Новгородских поселений. Так, принимая Высочайшие указы 1818 г. о поселении шести полков 1-й грендерской дивизии и аналогичные указы 1824 г. о поселении двенадцати полков 2-й и 3-й грендерских дивизий, все без исключения исследователи пришли к выводу о быстром поселении всего грендерского корпуса уже к концу царствования Александра I. Данный тезис практически без изменений был заимствован советской историографией, что привело к искажению фактической истории Новгородских военных поселений.

Архивные материалы свидетельствуют, однако, что после издания Высочайшего указа о поселении того или иного полка и переходе жителей данной волости в военное ведомство на место поселения вводилась лишь часть (250—300 человек) второго батальона полка, предназначенного для поселения. До полного комплекта он пополнялся за счет местных жителей, зачисляемых в разряд военных поселян-хозяев. Остальные два батальона продолжали нести службу на прежних местах и на прежних условиях. Период до полного соединения поселенного батальона с двумя действующими был очень длительным. Это было связано с темпами строительства в округах поселений грендерских полков. В среднем за год по всем поселениям отстраивались полностью две роты. Так, например, грендерский графа Аракчеева полк, строительство в котором началось в 1817 г., т. е. на год-два раньше, чем в остальных полках 1-й грендерской дивизии, был полностью поселен только к концу 1820 г. (без полной сдачи комплекса полкового штаба)¹⁵. В данном случае необходимо еще учитывать и тот факт, что Аракчеев, уделяя полку своего имени самое пристальное внимание, желая сделать его образцовым во всем отдельном корпусе военных поселений, обеспечивал полк всем необходимым по строительной части. И несмотря на это, весь комплекс полка был готов в основном только к 1826 г.¹⁶

Таким образом, русская дореволюционная историография, накопив определенный фактический материал, заложила основу для изучения истории военных поселений, ввела в научный оборот некоторые архивные материалы, использовала мемуарную и статистическую литературу, выделила ряд направлений в изучении данной проблемы. Однако дать оценку военным поселениям во всей системе социально-экономических процессов, происходивших в стране в период разложения и кризиса феодального способа производства, она так и не смогла. Определенную субъективную роль в этом вопросе сыграла односторонняя оценка военных поселений современниками, исходившая в основном из оценки личных качеств и деятельности их создателя — А. А. Аракчеева.

Необходимо обратить внимание и на тот факт, что к истории военных поселений исследователи обращались в моменты обострения классовой борьбы как в России, так и в Западной Европе. Не случайно, что события во Франции 1870—1871 гг. и их влияние на освободительное движение в России совпали с началом первого периода изучения истории военных поселений. Только этим фактом можно объяснить высказывания П. Г. Щербальского о военных поселениях, видевшего в них огромные военно-рабочие коммуны, где «человек переставал принадлежать себе и становился вещью той коллективной единицы, которую Фурье назвал фаланстерой, а Аракчеев военным поселением»¹⁷. Граф

¹⁵ ЦГВИА СССР, ф. 405, оп. 1, д. 107, л. 48—51.

¹⁶ Там же, л. 38—44.

¹⁷ Щербальский П. Г. Военные поселения и граф Аракчеев. — Русский вестник, 1871, № 10, с. 495.

А. А. Аракчеев в его понимании, ни много ни мало как «предупреждая социалистические теории нашего времени... сделал все возможное для удовлетворения материальным потребностям людей и для благоустройства поселенной общины... все это было устроено нашим сановным коммунистом»¹⁸.

Только марксизм-ленинизм, создав учение об общественно-экономических формациях и открыв закон соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил, смог показать причины противоречивости социально-экономической политики эксплуататорского государства в период разложения и кризиса феодально-крепостнического способа производства. Указывая на то, что армия, ее стратегия и тактика зависят от уровня экономического развития государства, К. Маркс писал: «История *армии* всего нагляднее подтверждает правильность нашего воззрения на связь производительных сил и общественных отношений. Вообще, армия играет важную роль в экономическом развитии»¹⁹.

Хорошо зная историю России, Ф. Энгельс точно воспроизводит влияние ее государственно-бюрократического аппарата на армию: «Если бюрократия чем-нибудь и была полезна для армий, то вред, который она им приносила, прививая им дух схематизма и педантизма, был вдвое больше... Россия еще и по сей час страдает от всех этих недостатков. Русская армия, повсюду обираемая и надуваемая, форменно голодает, и солдаты во время похода мрут, как мухи»²⁰. Как здесь не вспомнить «благие» намерения Александра I и А. А. Аракчеева в отношении поселенных войск и как эти намерения воплотились.

Определяя отношение государства к армии, Ф. Энгельс отмечает, что она становится его главной целью, самоцелью, что «народы существуют только для того, чтобы поставлять и кормить солдат». Однако, обучая все большие массы народа владеть оружием, армия помогает государству в известный момент осуществить свою волю вопреки командующему военному начальству²¹. Поэтому-то дворянство и выступило в большинстве своем против военных поселений, а дворянско-буржуазная историография «аргументировала» их порочность и вредность для государства.

В. И. Ленин, развивая учение К. Маркса и Ф. Энгельса об армии, указывал на классовый характер вооруженных сил в России, которые служили «не столько против внешнего, сколько против внутреннего врага»²². Глубоко научно учение В. И. Ленина о социальном составе русской армии, о том, что «казарма в России была сплошь да рядом хуже всякой тюрьмы»²³ и именно «царизм оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела, — того самого дела, которому царизм отдавался всей душой, которым он всего более гордился, которому он приносил безмерные жертвы, не стесняясь никакой народной оппозицией»²⁴.

В работах В. И. Ленина нет специального анализа сущности военных поселений. Только в одной работе «Каторжные правила и каторжный приговор», написанной в 1901 г., в связи с изданием «Временных правил» об общественных работах, В. И. Ленин упоминает о военных

¹⁸ Там же, с. 495—496.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 154.

²⁰ Там же, т. 7, с. 508.

²¹ Там же, т. 20, с. 175.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 113.

²³ Там же, с. 112.

²⁴ Там же, т. 9, с. 156.

поселениях: «И действительно, закон 15 сентября приближает голодающих крестьян к крепостным не только в том отношении, что отнимает у них свободу передвижения. Закон дает чиновникам право *удерживать часть заработной платы* для отсылки семействам рабочих, если это находит нужным «губернское начальство местностей, где остались семьи». Заработанными деньгами будут распоряжаться без согласия самих рабочих! Мужик глуп: сам о своей семье позаботиться не сумеет. Начальство это все гораздо лучше сделает: кто не слышал, в самом деле, как оно хорошо заботилось о мужицких семьях в военных поселениях? Одна беда: мужики теперь не так уже, пожалуй, покорны, как во времена военных поселений»²⁵.

В. И. Ленин, говоря о стеснительности передвижения, имеет в виду не только свободу физического передвижения, но и затруднения в рыночных связях как покупателя, так и продавца. «Забота» о мужике в военных поселениях выражалась в искусственном прикреплении его к земле, стеснении выбора рода занятий, регламентации времени (особенно в первое десятилетие их существования). Одним из «благодетельств» создателей военных поселений было учреждение вспомогательных и запасных хлебных магазинов, учреждение заемного денежного капитала, которые, по их мнению, должны были предотвратить разорение хозяйств военных поселян. Однако в полной мере поселяне так и не смогли воспользоваться ими ввиду целого ряда ограничений и запретов.

В свете учения классиков марксизма-ленинизма о связи военной организации общества с его экономической структурой и политическими учреждениями военные поселения можно определить как особую, специфическую форму функционирования армии, призванную стабилизировать и укрепить диктатуру правящих классов в условиях разложения и кризиса феодально-крепостнического способа производства. Особенность эта заключалась в том, что правительство в условиях финансового кризиса пыталось «удешевить» армию за счет частичного перевода ее на самокупаемость, а специфичность функционирования — в том, что с поселением всей армии в перспективе уничтожались рекрутские наборы, ее восполнение происходило за счет самих военных поселян и тем самым выполнялось главное веление времени в отношении армии — ее массовость.

Именно эта сторона проблемы наименее изучена как в русской дворянско-буржуазной, так и в советской историографии. Рассматривая военные поселения только как форму ужесточения феодально-крепостнических отношений, советская историография видит в этом причины упорной борьбы военных поселян против своего положения. В связи с этим хотелось бы обратить внимание только на один момент: за исключением восстания в Новгородской губернии 1831 г., все волнения в тех или иных военных поселениях приходятся на период их создания и являются естественной ответной реакцией крестьянства на изменение его социально-правового положения.

Предприняв первым попытку исследовать историю военных поселений, известный советский историк А. В. Предтеченский в одной из глав своей незаконченной монографии, посвященной данной проблеме, писал: «Советская историческая наука не может в характеристике военных поселений исходить из субъективного ощущения того зла, какое причиняла народным массам политика Александра I и Аракчеева. Это зло должно быть принято во внимание исследователем, руководствующимся марксистско-ленинским методом, но исходным моментом в его построе-

²⁵ Там же, т. 5, с. 290—291.

ниях оно быть не может». И, определяя направление исследования, он правильно предполагает, что только «объективный анализ феодально-крепостнического государства, вступившего в 1815—1830 гг. в полосу кризиса, является единственно правильным методом разрешения сложного вопроса о военных поселениях»²⁶.

Начало исследовательской работы по данной проблеме в советской историографии относится к периоду 20—30-х годов. Работы С. Я. Штрайха, С. Я. Гессена, А. А. Кункля ставили своей целью познакомить широкие читательские круги с классовой борьбой в русской армии и носят в основном научно-популярный характер²⁷.

П. П. Евстафьев и М. В. Садовникова изучали историю восстания 1831 г. в Новгородской губернии²⁸. Причину его авторы видят в суровом «аракчеевском режиме» военных поселений, а жестокость восставших относят на счет ненависти поселян к офицерам-дворянам.

Значительный вклад в изучение восстаний военных поселений внес В. А. Федоров²⁹. Им введен в научный оборот большой круг архивных материалов. В. А. Федоров, по существу, первым предложил посмотреть на военные поселения как на определенную форму «проявления государственного феодализма»³⁰, как «новую систему феодальных отношений между государством и крестьянами»³¹, выделил несколько категорий военных поселений и предпринял попытку исследования их экономико-правового положения³².

В. Г. Вержбицкий продолжил в хронологическом плане исследования В. А. Федорова о революционном движении в русской армии, но восстание 1831 г. рассматривается лишь попутно, как иллюстрация общей проблемы³³.

Таким образом, советская историческая наука, опираясь на марксистско-ленинский метод анализа классовой борьбы, практически заново поставила вопрос о борьбе военных поселений, выявила ее определенные закономерности и причины. Однако исследователи уделили недостаточное внимание таким формам сопротивления, как побеги, подачи жалоб, неповиновения и т. п., рассматривая главным образом восстания поселян.

²⁶ Предтеченский А. В. Декабристы и военные поселения. — В кн.: Учен. зап. Горьковского гос. ун-та. Сер. ист.-фил., вып. 72. Горький, 1964, с. 153.

²⁷ См.: Штрайх С. Я. Брожение в армии при Александре I. Пг., 1922; Гессен С. Я. Солдатские волнения в начале XIX в. М., 1929; Он же. Холерные бунты. М., 1932; Он же. Аракчеевская барщина. М., 1934; Кункль А. А. Аракчеевщина. М., 1929.

²⁸ См.: Евстафьев П. П. К столетию восстания военных поселений. — Каторга и ссылка, 1931, № 10, с. 41—48; Он же. Восстание военных поселений Новгородской губернии в 1831 г. М., 1934; Он же. Восстания военных поселений в 1817—1831 гг. М., 1935; Садовникова М. В. Восстание новгородских военных поселений в 1831 г. Канд. дис. Баку, 1948.

²⁹ См.: Федоров В. А. Борьба крестьян России против военных поселений (1810—1818 гг.). — Вопросы истории, 1952, № 11; Он же. Восстание новгородских военных поселений в 1831 г. — Преподавание истории в школе, 1956, № 5; Он же. Восстание военных поселений в Чугуеве в 1819 г. — Исторические записки, 1955, т. 52; Он же. Солдатское движение накануне восстания декабристов. — В кн.: Из истории общественных движений и международных отношений. Сб. статей в память акад. Е. В. Тарле. М., 1957; Он же. Солдатское движение в годы декабристов 1816—1825 гг. М., 1963.

³⁰ Федоров В. А. Борьба крестьян России против военных поселений (1810—1818 гг.), с. 115.

³¹ Там же.

³² См.: Федоров В. А. Солдатское движение в годы декабристов 1816—1826 гг., с. 31.

³³ См.: Вержбицкий В. Г. Революционное движение в русской армии (с 1826 по 1859 гг.). М., 1964, с. 118—119.

Причины организации военных поселений, их структура, управление, экономическая деятельность советскими историками рассматривались лишь в связи с изучением тех или иных процессов социально-экономической жизни России первой половины XIX в.³⁴ Фактический материал в основном заимствуется из работ дореволюционных авторов, отсюда — повторение тех же ошибок о быстрых темпах развития военных поселений³⁵, недостаточно четкое выделение различных категорий военных поселенцев, упор только на отрицательные стороны их быта³⁶.

Н. Левинтов, правильно отмечая, что «существование военных поселений возможно лишь при наличии крепостного права в остальной части России», делает, на наш взгляд, спорный вывод, что этим «Александр I стремился укрепить и усилить крепостное право»³⁷. Думается, что правительство, вводя военные поселения, не стремилось разрешить таким образом крестьянский вопрос, а преследовало цель приспособления государственного аппарата к новым историческим условиям, используя утопическую идею «благоденствия военных поселенцев». Именно натолкнувшись на факт невозможности использования полукрепостнических форм в управлении военными поселениями, правительство и вынуждено было провести реформы 1826 и 1831 гг.

Единственной на сегодняшний день работой, в которой предпринята попытка взглянуть на военные поселения изнутри, т. е. проанализировать в некоторой степени их социально-экономическое развитие, является исследование Т. Д. Липовской. Хотя работа посвящена анализу социально-экономического положения поселенцев Слободско-Украинского, Екатеринославского и Херсонского военных поселений, которые несколько отличались от поселений на севере страны своей административно-хозяйственной структурой, выводы автора охватывают весь Отдельный корпус военных поселений. Т. Д. Липовская проделала большую работу по выявлению и систематизации нового архивного материала и на основании этого показала картину имущественной дифференциации на протяжении всей истории южных военных поселений. Автор анализирует реформу 1826 г. и ее последствия, правильно отмечает стремление «царского правительства сохранить военные поселения, приблизив их к положению государственных крестьян»³⁸. Несомненной заслугой автора является попытка проанализировать различные формы борьбы военных поселенцев против военно-феодальных порядков в поселениях на протяжении всего периода их развития.

Работа, однако, не лишена ряда существенных недостатков. Так, автор слишком односторонне интерпретирует некоторые фактические данные, касающиеся, например, материального положения поселенцев после реформы 1826 г. Характеризуя отрицательные последствия реформы, Т. Д. Липовская указывает на факты уменьшения доходов военных поселенцев, имея в виду отмену их жалованья³⁹. И чуть ниже указы-

³⁴ См.: Евстафьев П. П. Восстание военных поселенцев Новгородской губернии в 1831 г. М., 1934; Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.—Л., 1957; Парусов А. И. Административные реформы в России первой четверти XIX века в связи с экономической и социально-политической обстановкой. Докт. дис. Б/м, 1965; Окунь С. Б. История СССР. Лекции. Л., 1974; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973.

³⁵ См.: Левинтов Н. Военные поселения России XIX века. — Исторический журнал, 1940, № 6, с. 117.

³⁶ См.: Богданов Л. П. Военные поселения. — Вопросы истории, 1980, № 2, с. 178—183.

³⁷ Левинтов Н. Указ. соч., с. 121.

³⁸ Липовская Т. Д. Указ. соч., с. 41.

³⁹ Там же, с. 32—33.

ваает на то, что военные поселяне получили право на торги и промыслы. Думается, что доходы от них значительно перекрывали девятирублевое годовое жалование солдата.

Довольно спорным представляется и вывод автора о формах собственности в военных поселениях. Утверждая, что частная собственность в военных поселениях была уничтожена, исследователь не указывает, какая же форма собственности была основой развития хозяйства военных поселений⁴⁰. Т. Д. Липовская своеобразно решает проблему развития товарно-денежных отношений в военных поселениях и до реформы 1826 г., объясняя это явление только тем, что, мол, эти отношения существовали и прежде⁴¹. Из данных посылок можно заключить, что правительство, искусственно приостанавливая развитие товарно-денежных отношений, уничтожило частную собственность. Возникает вопрос: на основе чего происходило искусственное расслоение среди военных поселян-хозяев?

На наш взгляд, правильнее было бы предположить, что правительство, пытаясь материально укрепить основную категорию поселян-хозяев, передавая им в пользование определенные средства производства (скот, инвентарь, строения), избрало порочную политику регламентаций и ограничений, приведшую объективно к усилению элементов крепостничества, но ни в коем случае не уничтожавшую частной собственности. Частную собственность составляли все средства производства, которыми владел крестьянин до поступления в военные поселения, и «все, что приобретено трудом его от хозяйства, которое было ему вверено»⁴². Все, что поселянин получал от казны, оставалось собственностью государства⁴³. Поэтому можно говорить о существовании двух форм собственности в военных поселениях — государственно-феодальной и частной.

Работа Т. Д. Липовской содержит также ряд неточностей фактического характера⁴⁴.

Таким образом, в советской исторической науке впервые поднят и в определенной степени изучен вопрос о классовой борьбе в военных поселениях, начато изучение их хозяйственно-экономической деятельности. Предпринята попытка определить место военных поселений в социально-экономической политике русского правительства первой половины XIX в. Введен в научный оборот значительный архивный материал и начата его систематизация.

Только комплексное изучение всех аспектов истории военных поселений позволит более объективно определить их место и значение в социально-экономической и политической истории дореформенной России.

⁴⁰ Там же, с. 80—81.

⁴¹ Там же, с. 81.

⁴² Учреждение о военном поселении пехоты. Спб., 1817, с. 18.

⁴³ Там же, с. 18, 21.

⁴⁴ См.: Липовская Т. Д. Указ. соч. Так, мемуары М. Крымова и Е. Брадке автор называет исследованиями (с. 6). Указывая, что в «дореволюционной литературе имеется ряд работ, посвященных борьбе Новгородских военных поселений, Чугуевского и Бугского казачества, Серпуховского полка» (с. 7, сноска 22), автор опять же приводит только мемуарную и статистическую литературу и т. д.